

А.Е. Казанцев, А.В. Соловьёв

Синтез традиционных и модернистских представлений о международной политике в «Рассуждении о нейтралитете (中立論 — Чунънимнон)» Ю Гильджуна (1885 г.)

Аннотация. В статье приводится перевод трактата корейского политического деятеля XIX в. Ю Гильджуна «Рассуждение о нейтралитете (中立論 — Чунънимнон)» на русский язык с комментариями, а также исследуется синтез традиционных и модернистских представлений о международной политике в данном сочинении. «Рассуждение о нейтралитете» является одним из важнейших произведений Ю Гильджуна, не получившим достаточного осмысления в российской историографии. В нём прослеживается оригинальное сопряжение как характерных для восточного традиционного миропонимания, так и для западного рационализма взглядов на международную политику. Так, автор воспринимает нормативы публичного (международного) права и ритуал как факторы, регулирующие международные отношения. При этом ритуал имеет первостепенное значение. Кроме того, в данном трактате Ю Гильджун предлагает оригинальное обоснование природы нейтрального статуса для Кореи на основе своеобразного синтеза международно-правовых статусов суверенной Бельгии и Болгарии (страны-данника Османской Порты).

Ключевые слова: «Рассуждение о нейтралитете», Ю Гильджун, международные отношения, Корея периода Чосон, нейтралитет, ритуал, модернизм, традиция.

Автор: Казанцев Артём Евгеньевич, аспирант департамента зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ (адрес: 117017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17). ORCID: 0000-0002-7582-6873. Email: bryant95@yandex.ru

Соловьёв Александр Валерьевич, заместитель главного редактора, журнал «Россия в глобальной политике» (адрес: 117017, Москва, ул. Малая Ордынка, 29, офис 305). SPIN РИНЦ: 7701—8673. ORCID: 0000-0003-2897-0909. Researcher ID: Y-6177-2018. E-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Конфликт интересов. Автор(ы) заявляет(ют) об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Казанцев А.Е., Соловьёв А.В. Синтез традиционных и модернистских представлений о международной политике в «Рассуждении о нейтралитете (中立論 — Чунънимнон)» Ю Гильджуна (1885 г.) // Корееведение. 2022. № 1. С. 81—104. DOI: 10.48647/ICCA.2022.98.33.006

* Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских имён на русский язык на усмотрение автора: по системе Концевича или, как они используются МИД РФ и СМИ. (прим. гл. ред.).

A.E. Kazantsev, A.V. Solovyov

The synthesis of traditional and modernist conceptions of international politics in Yu Kilchun's "Treatise on Neutrality (中立論)" (1885)

Abstract. The article presents an annotated translation of the 19th century Korean political thinker Yu Kilchun's work "Treatise on Neutrality (中立論)", and also studies the synthesis of traditional and modernist ideas about international politics in this work. "Treatise on neutrality" is one of the most important works of Yu Kilchun, but is generally neglected by Russian historiography. "Treatise" exhibits ingenuine juxtaposition of the Far Eastern traditional worldview (based on Confucian norms) and the western rationalist views on the international politics. The author perceives the norms of public (international) law and ritual as factors governing international relations, where ritual is of paramount importance. In his treatise Yu Kilchun offers an original justification of the nature of neutral status for Korea based on a specific synthesis of the international legal statuses of sovereign Belgium and Bulgaria, which was the vassal state of Turkey.

Keywords: "Treatise on Neutrality", Yu Kilchun, international relations, Late Joseon Korea, neutrality, ritual, modernism, tradition.

Author: Artem E. KAZANTSEV, PhD student, Department of Foreign Regional Studies, National Research University Higher School of Economics (address: 17 Malaya Ordynka St., Moscow, 117017). ORCID: 0000-0002-7582-6873.

Email: bryant95@yandex.ru

Alexander V. SOLOVYEV, "Russia in Global Affairs", Deputy Editor-in-Chief (address: office 305, 29 Malaya Ordynka St., Moscow, 117017). SPIN RSCI: 7701-8673. ORCID: 0000-0003-2897-0909. Researcher ID: Y-6177-2018.

E-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Conflict of interests. The author(s) declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kazantsev A.E., Solovyov A.V. The synthesis of traditional and modernist conceptions of international politics in Yu Kilchun's "Treatise on Neutrality (中立論)" (1885). *Koreanology*, 2022, 1: 81–104. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2022.98.33.006

Эволюция восприятия фигуры Ю Гильджуна (1856—1914) в южнокорейской историографии и публицистике — от радикального «крестоносца реформ» [Kim Hyung-chan, 1972] до консерватора и реалиста [Хо Донхён, 2017, с. 55], стремившегося синтезировать достижения западной цивилизации и корейскую традицию [Хан Чхорхо, 2004], — вполне отражает эволюцию самовосприятия корейского интеллектуального сообщества¹.

Отечественное корееведение к наследию Ю Гильджуна обращалось нечасто — как правило, в контексте его связей с деятелями движения *кэхва ундон*, или «Общества независимости». Общие (и довольно сжатые) обзоры его идей в целом воспроизводили характерный для корейской историографии разброс оценок — от поборника радикальной вестернизации [Тихонов, Ким Мангиль, 2011, 179; Тягай, 1983, 149] до сторонника объединения западных и восточных общественно-политических концепций и норм [Асмолов, 2015]. Чаще всего при этом упоминается его достаточно поздняя работа — «Наблюдения при путешествии на

Запад» (西遊見聞, *Сою кёнмун*, 1895 г.). Первой (и пока единственной) в России попыткой обзорного анализа всего комплекса социально-политических воззрений Ю Гильджуна остаётся статья М.К. Рязановой [Рязанова, 2017].

Разумеется, степень радикализма взглядов автора зависит от предмета, на который они обращены. Так, некоторые рассуждения Ю Гильджуна о внутриполитическом устройстве Кореи, на которые чаще всего и обращают внимание исследователи, были вполне революционными для своего времени (в частности, идеи о построении гражданского общества в сословно-феодальном Чосоне). Но нашей задачей не является развитие этой дискуссии. Мы хотели бы обратиться как раз к вопросу о синтезе западных и традиционных дальневосточных представлений о международных отношениях и внешней политике в небольшом, но знаковом сочинении Ю Гильджуна «Рассуждение о нейтралитете» (中立論 — *Чунънимнон*).

«Рассуждение», написанное в конце 1885 г., фактически не привлекало внимания российских исследователей (его упоминает лишь М.К. Рязанова, справедливо отмечая скепсис Ю Гильджуна по поводу США как потенциального защитника корейской независимости [Рязанова, 2017, 70]). В нашей работе мы попытаемся восполнить этот пробел, предложив как комментированный перевод «Чунънимнон», так и анализ подходов Ю Гильджуна к сопряжению традиционных синоцентристских и «западных» принципов внешней политики эпохи модерна². При этом к положениям теории международных отношений здесь мы будем прибегать лишь постольку, поскольку это позволит проиллюстрировать те или иные выкладки Ю Гильджуна³.

Ключевые положения и особенности «Рассуждения о нейтралитете»

Ю Гильджун не первым поднял вопрос о нейтралитете Кореи (до него об этом говорил и тогдашний министр иностранных дел Японии Иноуэ Каору⁴, и германский вице-консул в Корею Херманн Будлер, и первый иностранец на государственной службе Кореи барон Георг фон Мёллендорф [Чонъ Санъсу, 2017, 204—205] и др.). Однако он, по всей видимости, первым из корейских интеллектуалов глубоко изучил эту проблему⁵. Ю Гильджун предложил оригинальную трактовку обоснования и природы нейтрального статуса для Кореи на основе своеобразного синтеза международно-правовых статусов суверенной Бельгии и Болгарии, которая в тот период, оставаясь данником Османской Порты, была признана Берлинским конгрессом 1878 г. автономным (полунезависимым) нейтральным княжеством.

Здесь Ю Гильджун выступает безусловным новатором, интуитивно конструируя специфическую форму международного порядка, которую он предлагает применить к Корее и державам, конкурирующим за влияние в ней. Через 10 лет в «Сою кёнмун» он концептуализирует эту систему через несколько противоречивый термин 兩截體制 (양절체제 — *янъдэжоль чхедже*) [Ким Джонъхак, 2021, 12]⁶.

Нейтралитет Кореи в трактовке Ю Гильджуна — не цель *per se*, а инструмент обеспечения международной безопасности страны (и региона в целом). Главный

мотив «Чунънимнон» — защита Кореи от посягательств со стороны России, которая «делает их (соседних стран. — *Авт.*) земли своими округами и уездами, а их народ — [своими] рабами»⁷ и (в меньшей степени) Японии. Тезис о российской угрозе — дань скорее модерну, а не традиционным представлениям о взаимоотношениях государств региона. Мы вернёмся к обсуждению этого тезиса и в следующем разделе статьи, и в комментариях к «Чунънимнон».

Не имея сил самостоятельно противостоять «агрессивным планам России», Корея, по мысли Ю Гильджуна, должна была обратиться к Китаю с тем, чтобы тот, взяв на себя миссию как минимум регионального политического лидера, возглавил мировой процесс, направленный на «нейтрализацию» Кореи: «Вместе с разными странами, расположенными в Азии или имеющими с ней связи..., ввести нас в их число и учредить общий (равноправный) союз».

Здесь в первую очередь стоит отметить безусловный приоритет дипломатического решения над силовым («...погасить»⁸ «в яшме и шёлке» агрессивные намерения русских»), соответствующий конфуцианской иерархии мироустроительных практик. Также стоит обратить внимание на оригинальное сопряжение нормативов публичного (международного) права и ритуала как факторов, регулирующих международные отношения. Обращаясь и к праву (т. е. *закону* — 法), и к договору, основанному на *ритуале* — 禮, Ю Гильджун всё же чётко обозначает первостепенность ритуала, считая последний, очевидно, гораздо более действенным методом устройства международных отношений.

Эту дихотомию Ю Гильджун раскрывает в самом начале своего сочинения, демонстрируя сходство и разницу между двумя видами нейтралитета и методами установления и обеспечения нейтралитета Бельгии и Болгарии. Возможности и пределы закона ограничены: «Согласно публичному праву, только суверенная страна может быть нейтральной... При строгом [толковании] исключительно [норм] публичного права такое (т. е. наделение Болгарии и островов в Чёрном море статусом нейтральных территорий. — *Авт.*) невозможно». И в случае Болгарии, и — что показательно — в случае Бельгии «нейтрализация» инициируется и воплощается прежде всего через политические договоренности держав — т. е. через ритуал.

По тексту «Чунънимнон» эта вполне традиционная для конфуцианско-легистского подхода к международным отношениям (см., напр.: [Lee, Ji-Young, 2013]) связь между межгосударственными политическими договорённостями и ритуалом прослеживается достаточно легко: Ю Гильджун просто «подвёрстывает» к нему «западные» практики и термины. Равноправный договор для него — договор между «равными по ритуалу» государствами. Политическая целесообразность и воля воплощаются в договор, заключённый на основе ритуальных норм. Этот договор поддерживается законом, который при нарушении ритуальных договорённостей даёт санкцию на наказание нарушителя: «Если же кто-то (третья страна) нарушит [такой] договор, то все [подписавшие его] страны могут совместно предъявить нарушителю обвинения».

При этом Ю Гильджун не абсолютизирует сложившиеся международно-правовые практики (к 1885 г. Корея с подачи Китая и при его настойчивом посредничестве заключила торговые договора «западного» типа с Японией, США, Ки-

таем, Великобританией и Германией, Италией и Россией)⁹, которые сами по себе безусловным благом для Кореи не стали: «Нельзя сказать, что с момента заключения [международных] торговых договоров и до сегодняшнего дня у нашей страны не было ни забот, ни волнений».

Завершает свою аргументацию Ю Гильджун смелым тезисом о том, что обретение Кореей нейтралитета отвечает не только её чаяниям, но «выгодно и Китаю, а также [способствует] самосохранению (безопасности) других стран». Иными словами, нейтральный статус Кореи должен заложить основы региональной безопасности, отвечающей интересам всех заинтересованных держав. Настолько широкий взгляд на проблему даже сегодня встречается нечасто.

Обзор «Рассуждения» был бы неполным без замечания о стиле этого сочинения. Можно сказать, что в нём сочетаются две манеры изложения: от сухого позитивистского разъяснения международных норм и практик повествование развивается в яркую и образную, насыщенную характерными для конфуцианского текста метафорами и аллюзиями петицию (см. комментарии авторов к соответствующим эпизодам «Чуньнимнон»). Дрейф от описательного научного трактата к эмоциональной челобитной позволяет предположить, что «Рассуждение» могло быть адресовано не столько корейским властям, сколько китайскому политическому истеблишменту, а конкретно — практически самовластно распорядившемуся в тот момент в Корее Юань Шикаю. Таким образом, как полагает Хо Донхён, Ю Гильджун мог пытаться дать понять своему главному гонителю, что не злоумышляет против Китая [Хо Донхён, 2017, 58]. Правда, такие намерения (да и откровенно антироссийская направленность сочинения) явно шли вразрез с политикой «сдерживания Цин при помощи России (引俄拒清策, *инагочхоньчхэк*)» главных благодетелей Ю Гильджуна — вана Коджона и Мин Ёньика, которые и спасли его от преследований Юань Шикая¹⁰.

Это ставило Ю Гильджуна в крайне двусмысленное положение и, по всей видимости, послужило главной причиной того, что «Рассуждение о нейтралитете» долгое время оставалось неопубликованным, а титульную страницу рукописи украсила печальная преамбула: «Это рассуждение можно назвать большим планом, но, поскольку есть то, что беспокоит меня сильнее, его лучше бы было стереть (уничтожить) на время; но если хранить его дома, то можно и не стирать» [Хо Донхён, 2017, 55].

Идейно-политический контекст создания «Чуньнимнон»

Двойственность положения самого Ю Гильджуна и его душевный разлад вполне отвечали той турбулентной ситуации, которую Корея переживала в 1885 г. Последствия попытки государственного переворота года *капсин* (1884) оказались весьма болезненными. 1885 г. (по европейскому календарю) начался с подписания унижительного для Кореи Хансонского договора, согласно которому она должна была принести Японии извинения за нападение на японскую миссию и выплатить контрибуцию. Напряжение между оставшимися в Корее по-

сле подавления переворота китайским и японским воинскими контингентами росло, что ставило эти страны на грань вооруженного конфликта. Лишь в апреле 1885 г. Японии и Китаю удалось урегулировать ситуацию, заключив Тяньцзиньский договор, согласно которому войска обеих сторон должны были быть выведены из Кореи, а стороны договора впредь обязались не посылать их туда без предварительного уведомления друг друга.

Однако прежде чем этот договор был подписан (18 апреля 1885 г.), японо-китайское противостояние сменилось британско-русским. 15 апреля 1885 г. британский королевский флот оккупировал расположенные в Корейском проливе острова Комундо (Порт Гамильтон). Стратегическая цель состояла в том, чтобы создать противовес российскому флоту во Владивостоке (а в идеале — заблокировать его там) для сдерживания российской экспансии на Востоке в целом и в Корею в частности. Британский кабинет практически не сомневался в том, что Российская империя воспользуется трениями между Китаем и Японией в своих целях — в частности, аннексирует порт Лазарев (Вонсан). Слухи об этом в тот период активно циркулировали в дипломатических кругах [Larsen, 2011, 174]. Масла в огонь подлил июльский визит в Сеул из Токио секретаря русской дипмиссии А.Н. Шпейера. По донесениям британского дипломатического ведомства, он якобы собирался обсуждать со своим другом фон Мёллендорфом меры «по аннексии вдесятеро большей территории Кореи, чем Великобритания, если та не уйдет из Порта Гамильтон» [Deuchler, 1969, 215, 285 — прим. 56].

За этим последовали два секретных российско-корейских договоров, между заключением которых произошла отставка Мёллендорфа и назначение российским посланником в Корею Карла Ивановича Вебера. Содержание этих договоров хорошо известно специалистам, поэтому мы не будем на них останавливаться подробно, отметив лишь, что слухи о намерении России установить над Кореей свой протекторат достигли в тот период, пожалуй, апогея (подробнее об этом см., напр.: [Deuchler, 1969, 163—164, 215]).

На этом фоне подчеркнутое внимание Ю Гильджуна к «скрытной борьбе за влияние между Ялу и Тумынь» выглядит переоценкой важности локального инцидента даже для региональной — не говоря уже о мировой — политики, попыткой придать ему экзистенциальную значимость. Возможно, это ещё один аргумент в пользу того, что Ю Гильджун предназначал своё сочинение прежде всего для глаз китайских сановников (впрочем, территория «между Ялу и Тумынь» — это окрестности сакральной для корейцев горы Пэктусан).

Дополнительным косвенным аргументом в пользу этого предположения можно считать влияние, которое на идеи Ю Гильджуна и манеру их подачи оказало сочинение китайского дипломата Хуан Цзуньсяня «Стратегия [для] Кореи» (朝鮮策略, *Чжаосьянь цэлюэ*), которое тот в 1880 г. передал главе корейской дипломатической миссии в Японии Ким Хонъджиу. Этот документ по сути и по форме был классическим примером китайского внешнеполитического мышления «нового типа» и на некоторое время стал «золотым стандартом» для корейских стратегов-прогрессистов (консерваторы приняли его едва ли не в штыки [Hirano, 2005, 29—30]). «Чунънимнон» повторяет некоторые из ключевых догматов «Стратегии»: о русской угрозе, об уникальном геополитическом положении Ко-

реи в Азии, о необходимости опоры на Китай, о балансе сил и силе международных договоров и, разумеется, об экзистенциальной необходимости самоусиления, которое служит основой безопасности (подробнее о сочинении Хуан Цзуньсяня см., напр.: [Андреева, 2019, 160—162]). Единственное, пожалуй, в чём «Рассуждение» противоречит «Стратегии», — это роль США как «провайдера безопасности» для Кореи; как уже отмечено выше, Ю Гильджун такую перспективу воспринимал крайне скептически. Есть в «Стратегии» и косвенное упоминание нейтралитета — в контексте обстоятельств войны между двумя государствами, не связанными друг с другом договорами [Hirano, 2005, 35, прим. 45].

Есть, однако, один нюанс, который иллюстрирует весьма специфическое отношение Ю Гильджуна к Китаю. Выделяя его как страну-покровителя, наиболее близкую Корею, подчёркивая «четыре тысячи лет взаимоотношений и несколько сот лет службы», Ю Гильджун, тем не менее, фактически предлагает Китаю поступиться своим привилегированным положением, «обоюдно вступив в союз (共訂其盟款)», в котором Корея фактически оказалась бы в том же статусе, что и все остальные мировые державы, а Китай был бы всего лишь «первым среди равных». Иными словами, концепцию Ю Гильджуна можно трактовать как отчаянную, хотя и несколько завуалированную попытку ограничить влияние Китая на Корею с опорой на сам Китай (см., напр.: [Хо Донъхён, 2017, 58]). Это вполне соответствует духу традиционной китайской стратегии «самоумаления». Ритуальные отношения предполагают готовность уступить другому, умалиться. Этот принцип действенен и в международных отношениях. По словам Лао-цзы, «...большое царство возьмет малое, если будет ниже него. Малое царство все получит от большого, если поместит себя ниже него» (Дао-Дэ цзин, гл. 61)¹¹.

Исследователи [Ким Гёнъиль, 2008; Юн Дэсик, 2016; Хо Донъхён, 2017 и др.] также отмечают большое влияние концепции паназиатской солидарности (*Асиа ёндэрон* или 興亞論) на идеи Ю Гильджуна в целом и на «Рассуждение о нейтралитете» в частности. Представляется, однако, что они исходят больше из общего контекста образования Ю Гильджуна, обучавшегося некоторое время в Японии и безусловно подверженного влиянию Фукудзавы Юкити. Прямое обращение к *ёндэрон* в тексте «Чунънимнон» можно найти разве что в сожалениях Ю Гильджуна о недостатке такой солидарности по сравнению с европейскими державами: «Европейские державы были поглощены противодействием (сдерживанием) России и [задачами обеспечения] собственной безопасности, но сумели гармонично и быстро, в мгновение ока [обеспечить] нейтралитет Бельгии и Болгарии, однако великие азиатские державы лишь осознают беспокойство, но не знают, что [нужно] предпринять». К моменту написания «Рассуждения» сама идея паназиатской солидарности в некотором смысле себя исчерпала. Как справедливо замечает Хванъ Ингван, как раз в это время (весной 1885 г.) Фукудзава Юкити опубликовал статью под названием 脫亞論 («Дацу-а рон» — «Прощаясь с Азией»), в которой фактически призывал отказаться от этой идеи вовсе в пользу империализма в «западном» стиле [Hwang In Kwan, 1985, 7], а в сочинениях, пропагандировавших силовой захват Кореи, в Японии не было недостатка еще с 70-х годов XIX в. [Хан Ёнью, 2010, 404].

Заключение

При жизни Ю Гильджуна «Рассуждение о нейтралитете» не получило достойного политического признания. Накануне русско-японской войны, 21 января 1904 г., правительство Кореи — теперь уже Корейской империи — объявило о своем нейтралитете. Это был скорее «будлеровский нейтралитет», основанный на швейцарской модели [Чонь Санъсу, 2017, 212]. Однако сегодня его сочинение привлекает серьезное внимание исследователей и стимулирует много разнообразных дискуссий: почему Ю Гильджун недооценил опасность, исходящую от Японии; насколько реализуема была его концепция; было ли в ней заложено стремление к независимости и суверенитету; насколько она повлияла на развитие политического мышления в Корее в целом — и т. д.

Разумеется, рамки нашей статьи не позволяют даже вкратце осветить все эти вопросы. Мы можем лишь констатировать, что «Рассуждение о нейтралитете» представляет собой оригинальное и проницательное сочинение, вероятно в чем-то опередившее свое время. В «Чунънимнон» гармонично сочетаются традиционные синоцентристские и современные западные принципы организации внешней политики, жёсткий (и даже в чем-то циничный) реализм и гуманизм (человеколюбие), основанный на морально-этических категориях.

Наш анализ, конечно, далек от полноты. Представляется, что стоило бы внимательно сопоставить текст «Рассуждения» с текстом «Стратегии для Кореи», а также проследить эволюцию взглядов Ю Гильджуна от его первых сочинений 1883 г. по проблематике международных отношений до (как минимум) «Сою кёнмун». Мы надеемся, что наше обращение к наследию Ю Гильджуна вызовет интерес у наших коллег и подтолкнёт их к более активному изучению интеллектуального наследия этого выдающегося мыслителя.

Ю Гильджун.

Рассуждение о нейтралитете. Год Ырю (1885)¹²

В целом существует два вида государственного нейтралитета. Первый называется нейтралитетом военного времени, второй называется постоянным (вечным) нейтралитетом. Нейтралитетом называется [такое] положение [дел] между государствами¹³, [при котором они] не примыкают к воюющим государствам (не вмешиваются в войны других государств).

Что называют нейтралитетом военного времени? Когда между двумя конфликтующими друг с другом государствами, А и Б, [происходит] военное столкновение, все соседние с ними страны, издав указ о нейтралитете (объявив нейтралитет), [обеспечивают] строгую охрану [своих] границ и не позволяют войскам противоборствующих сторон А и Б их пересекать, предоставляя им выявить победителя и проигравшего [исключительно] в очной схватке. Посему, если [какое-то] государство [слишком] слабо и мало, чтобы оборонить свой ней-

тралитет своими силами, соседние страны могут согласиться (договориться) совместно осуществлять [защиту его нейтралитета] вместо [него], чтобы обеспечить своё самосохранение (в рамках стратегии самосохранения). Такое происходит только в безвыходной ситуации (вынужденно) и разрешается [нормами] публичного права.

Что называют постоянным нейтралитетом? Если некая страна, расположенная на [стратегически] важной для других государств территории¹⁴, [стала] богатой и процветающей, [но] у будущих поколений [её народа] не достанет [собственных сил для] самообороны, [она может,] оказавшись в безвыходной ситуации, попасть в руки могучей державы, что дестабилизирует сложившийся миропорядок (равновесие сил)¹⁵ и создаст угрозу [безопасности] для соседних государств. Поэтому эти государства заключают между собой и этой страной договор о её нейтралитете. // Войска других государств (третьих стран) не могут заходить на её территорию ни в мирное, ни в военное время. Если же кто-то (третья страна), нарушит [такой] договор, то все [подписавшие его] страны могут совместно предъявить нарушителю обвинения¹⁶.

В нынешней Европе нейтральными странами являются Бельгия и Болгария¹⁷, а два-три острова в Чёрном море считаются нейтральными территориями. Согласно публичному праву, только суверенная страна может быть нейтральной. Бельгия — именно такой случай, но Болгария — маленькая страна, данник Турции (Османской Порты). Черноморские острова находятся под контролем разных стран и сами, не являясь независимыми государствами, также [наделены] правом (статусом) [нейтралитета]. При строгом (буквальном, консервативном) [толковании] исключительно [норм] публичного права такое невозможно.

Нынешнее географическое расположение нашей страны — в «глотке и гортани»¹⁸ Азии, подобно географическому положению Бельгии в Европе; а по [международному] статусу, [будучи] данником Китая, она схожа с Болгарией в отношении Турции. Однако Болгария действующих равных по ритуалу (равноправных) договоров с другими странами не имеет, а наша страна имеет. Бельгия // не получает от страны-сюзерена инвестицию, а наша страна получает¹⁹. Поэтому [международное] положение нашей страны фактически сопоставимо с положением обоих рассматриваемых государств.

Если Болгарию европейские державы сделали нейтральной для защиты от России, то Бельгию европейские державы сделали нейтральной для самозащиты. С этой точки зрения сделать нашу страну нейтральной в Азии — это и прекрасная возможность защититься от России, и политическая стратегия самозащиты для всех великих азиатских держав. Ведь Россия — страна, простирающаяся больше чем на 10 000 ли пустынной и холодной земли, с миллионами элитных солдат, [страна,] с каждым днем расширяющая свои пределы. [Она] соблазняет малые государства Центральной Азии посулами покровительства²⁰ или готовностью признать их право на независимость, но не успеет высохнуть клятвенная кровь²¹, как [она] делает их земли своими округами и уездами, а их народ — [своими] рабами²².

Желание сильного присоединить слабого²³, стремление великого государства поглотить малое²⁴ — это естественный (неудержимый) позыв человеческой природы²⁵. Однако Россия — настолько беспринципна и безнравственна²⁶, что вся Поднебесная видит в ней [только] алчность и насилие. У неё сердце тигра и волка (жестокое животного), а жадный взгляд (притязания) беспределен.

Под предлогом [умиротворения] религиозной розни²⁷ Россия вторглась в Турцию, желая уничтожить эту // страну и захватить Константинополь, чтобы в дальнейшем постепенно разъесть²⁸ основание Европы. Великобритания, Франция и другие страны [Европы] сплотились, чтобы помочь [Турции] защитить свои пределы и расстроить эти планы. Русские поняли, что не способны противостоять сильным соседним [державам], поэтому двинули свои войска на Восток, крупными воинскими силами умиротворили (захватили) Владивосток и строят железную дорогу в Сибирь²⁹. Стоимость [этой дороги] настолько велика, что [никакие] выгоды не окупят затрат — чтобы это понять, не нужно быть мудрецом³⁰. Таким образом, наша страна находится на пороге серьёзной опасности³¹.

Наша страна до сих пор существует среди других государств, а её люди и земля [до сих пор] защищены [только] благодаря Китаю. Русские издавна зарятся на нас, но пока не осмелились двинуться (напасть). Хотя говорят (считается), что [их] сдерживает баланс сил, на деле же они боятся Китая. Прежде и Япония также не без корысти [посматривала] на нас, но она слаба; её сил едва хватает на самооборону, так что она не осмелится противостоять Китаю. Поэтому можно сказать, что всё, на что наша страна может опереться в основе своей государственности, обеспечено заботами Китая.

Некоторые спрашивают: «Как узнать, что Китай не собирается нас поглотить (аннексировать)?» // Это нонсенс. Если бы Китай желал этого, то зачем тогда он до сего дня побуждал народы заключать договоры вместо следования своим стремлениям? Китай всегда (издревле и поныне) по отношению к чужестранцам оставался великодушным и мягким, лишь [требуя] от них платить дань и принимать от Китая инвестиру и печать³², не вмешиваясь в дела их самоуправления.

Другие говорят, что нам (Корее) очень благоволят США, и [мы] можем опереться на их поддержку. Но это не так. США находятся далеко — через океан, и отношения³³ с нами у них неглубокие. К тому же согласно доктрине Монро [США] не могут вмешиваться в евразийские дела. Если у нас возникнет нужда (придет беда), они выразят поддержку на словах, но войска [нам] на помощь не отправят. Говорят, что тысяча слов не стоят одной пули. Поэтому США можно рассматривать в качестве торгового партнёра, но не друга, [который придёт] на помощь в беде, тогда как Китай — единственная страна, которой мы тысячи лет платили дань и от которой получали инвестиру.

Вся наша материальная культура³⁴ заимствована у Китая, наши обычаи и нравы, симпатии и антипатии очень близки. Наш народ наследовал традиции царственного [Киджа]³⁵, а наша земля является восточным заслоном для Ёнгёна (Яньцзина, т. е. Пекина). [Наши страны] связывает глубокая история родства, искреннее и крепкое [взаимное] доверие. Недавнее // обращение за помощью³⁶ также можно рассматривать как проявление привычного расположения [к нам],

хотя и говорят, что [такие отношения уже] слишком редки и не соответствуют текущей обстановке. Япония в отношении к нам действует, подражая Китаю, но [слишком] резко (торопливо/нагло). [Японцы] торгуют [в Корее], как на своей земле³⁷, ловят рыбу у [наших] берегов, открывают склады и постоянные дворы в Хансоне (Сеуле). Мы уже претерпели множество разнообразных страданий из-за всего этого.

В этот раз китайские войска находились в двухстах ли [от Сеула], а японские солдаты [пришли] издалека и вошли в город, как будто там никого не было³⁸. Это не только презрение к нашей стране, эти люди, видимо, питают [такие же] безрассудные амбиции по отношению к Китаю. Имей мы силы, стоило бы нанести ответный удар и убить их³⁹, но [мы] не способны сказать и слова поперек, охваченные страхом и ужасом раздора [с японцами].

Кого винить в том, что народ нашей страны не смог [обойтись] своими силами [для самозащиты], кроме нас самих?!

Допустим, японские войска сегодня уйдут, — но это не повод для радости. Как и то, что они остались бы у нас еще на сто лет, — не повод для волнения. Почему? Даже если они сегодня уйдут, завтра они спокойно вернуться, если захотят. Отныне так будет поступать не только Япония, но и любая страна в Поднебесной, // имеющая армию. Поэтому, хотя бы войска временно и вывели сегодня, уйдут только те солдаты, что перед нами⁴⁰, а [скрытые] в глубине души каждого государства клинки (т. е. воинственность, агрессия, жажда власти)⁴¹ [никуда] не рассеялись.

Между Ялу (Амнокканом) и Тумынь (Туманганом) день ото дня войска разных стран скрытно борются за влияние, и нет этому конца⁴², и это только усиливает озабоченность (обеспокоенность) русских.

Пусть принадлежность Аннама и Мьянмы сама по себе не так важна для Китая, но то, что там господствуют и хозяйничают Британия и Франция, подрывает его престиж. Сегодня Россия намеревается сделать с нашей страной то же, что Британия сделала с Мьянмой, а Франция — с Аннамом. Если наша страна падет, то это станет бедствием и для Китая, подобно тому, как [когда] выпадают зубы, то в опасности [оказываются] губы⁴³ — что уж тогда рассуждать о престиже?!

Даже если бы Китай и наша страна издавна ненавидели друг друга, Китай всё равно вынужден был бы защищать нашу страну, как Британия и Франция [в рамках] стратегии по [обеспечению] собственной безопасности вступили в кровавый бой, чтобы защитить Турцию и сохранили её, хотя и ненавидели (презирали) её⁴⁴. Тем более что на деле [нас] связывает четыре тысячи лет взаимоотношений и несколько сот лет службы⁴⁵. [Если даже] при небольшой внутренней смуте приходили друг другу на помощь, то внешняя угроза, [ставящая вопрос] о самом существовании (жизни или гибели) [государства], тем более должна подталкивать [к сотрудничеству].

Важно заблаговременно предотвратить такое [развитие] событий. Каким образом Китай [сможет] нас защитить? Если // ждать, пока двинется русские, и тогда только идти войском в далекий поход на помощь, то к тому времени, кто первый (русские), а кто второй (Китай), будет определено⁴⁶ и предсказать исход (победу или поражение) будет нельзя; к тому же даже если [удастся] выгнать

русских из наших пределов (за границу), то затраты на [сбор] войск и их утомление и истощение только усугубят общий урон. [Так что] это — не лучшая политика. Если же загодя разместить крупные военные силы в наших северных пределах, это вполне может дать русским благовидный предлог, а также [спровоцировать] японцев на безрассудные шаги, которые непременно [будут] подобны тому, что они совершают сегодня. Поступать так — значит напрашиваться на неприятности на пустом месте⁴⁷, провоцировать бедствия, пытаясь от них защититься.

Но как же тогда нам [следует] поступить? Следует сделать нашу страну нейтральной страной Азии. Политика не способной к самоусилению страны, предполагающая заключение договоров с несколькими другими странами лишь с целью самосохранения, унижительна. Как можно этим довольствоваться? Однако для страны очень важно осознавать своё [истинное] положение, поэтому, в конце концов, приукрашивание действительности вредно. Недальновидный (лишённый прозорливости) человек непременно столкнется с неприятностями [в самом] ближайшем времени. Преодолев небольшие бедствия, страна может добиться великих достижений. Нельзя сказать, что с момента заключения [международных] торговых договоров и до сегодняшнего дня у нашей страны не было ни забот, ни волнений. Только нейтралитет — единственный способ по-настоящему защитить нашу страну. Однако // мы сами не можем [выступить с такой] инициативой, поэтому надо просить Китай взять это дело на себя. Если Китай по какой-либо причине не прислушается к [нашей просьбе] сразу, надо обращаться с ней ежедневно⁴⁸, умоляя Китай стать лидером альянса и вместе с разными странами, расположенными в Азии или имеющими с ней связи — такими как Великобритания, Франция, Япония, Россия и др., — ввести нас в их число и заключить с ними общий договор. Это не только ради [защиты] нашей земли, но это выгодно и Китаю, а также [способствует] самосохранению (безопасности) других стран — так почему бы не сделать это?

Европейские державы были поглощены противодействием (сдерживанием) России и [задачами обеспечения] собственной безопасности, но сумели гармонично⁴⁹ и быстро, в мгновение ока [обеспечить] нейтралитет Бельгии и Болгарии, однако великие азиатские державы лишь осознают беспокойство, но не знают, что [нужно] предпринять. Доселе надёжной возможности для этого не было, но теперь можно сказать, что сейчас самое время для этого. Если наша страна использует эту возможность сейчас и обратится к Китаю, всё можно будет сделать гармонично. Только (именно) это и погасит «в яшме и шёлке»⁵⁰ агрессивные намерения русских, а воинственный пыл может обратить в шутку (непринужденный разговор), и // Китаю никогда не придется утруждать ни одного солдата заботами [о безопасности] на восточной [границе]. Наша страна уподобится Великой Стене, покоящейся на вечное благо [всех]. Реализация этой стратегии зависит только от Китая, и нет другой страны, которой наша могла бы доверять так, как Китаю. Я надеюсь, что наше правительство искренне будет умолять [Китай] об этом.

Пер. и коммент.: А. Казанцев, А. Соловьёв

Библиографический список

Андреева С.Г. Политика Китая в отношении Кореи в 1880-е — начале 1890-х гг. (по российским и американским архивным материалам) // Общество и государство в Китае, Т. 49, № 3, 2019. С. 149—187.

Асмолов К.В. История Кореи. 29 июля 2015. URL: <https://koryo-saram.site/k-asmolov-istoriya-korei-glava-pyataya-v-kotoroj-koreyu-nakonets-otkryvayut-na-smenu-starym-fraktsiyam-prihodyat-novye-a-soldaty-gorodskoj-strazhi-ustraivayut-streletskij-bunt-s-daleko-idushhimi-po/> (дата обращения: 17.08.2022).

Гринюк В.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея // Россия и АТР. 2014. № 1(83). С. 48—63.

Ким Бусик. Самгук саги. В 3 т. Т. 3. Разные описания. Биографии / Изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. под общ. ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича. М.: Вост. лит., 2002.

Ким Гёнхиль. Мунмённон-ква инджонджуи, асиа ёндэрон — Ю Гильджун-ква Юн Чихо-ый пигёрьль чуньсимыро [Цивилизационная парадигма и расовая теория: сопоставление взглядов Ю Гильджуна и Юн Чихо на идею паназиаатской солидарности]. 2008. Сахве-ва ёкса (Куханкуксахвесахакхвенонмунджип), № 78. С. 129—167 (на кор.).

Ким Джонхак. Ханбандо коньдонъ поджанъ кусанъ-ый ёксаджок кивон: 19 сеги пельгие-пульгариа-ый саре-ва ю Гильджун-ый «Чунънимнон»: [Исторические истоки совместной инициативы по обеспечению безопасности на Корейском полуострове: примеры Бельгии и Болгарии XIX в. и «Рассуждение о нейтралитете» Ю Гильджуна]. 2021. Чонъчхэк ёнгу сириджы (2020—06), Кунънип вегёвон вегёанбо ёнгусо, С. 1—26 (на кор.).

Рязанова М.К. Свообразие общественно-политических и философских взглядов Ю Гильджуна // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1. С. 60—71.

Симбирцева Т.М. «Загадочный» барон П. Г. фон Мёллендорф и его «прорусская» деятельность в Корее (1882—1885). Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар: сб. ст. СПб.: Фонд восточных культур, 2002. С. 25—44.

Соловьёв А. Ю. Гильджун и его «Рассуждение о нейтралитете» (中立論): романтический реализм в преддверии нового мира // доклад на конференции «Корея открывает для себя мир: глобальные и локальные вызовы (конец XIX — середина XX века)». 2022.

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. М.: Наталис, 2011. Т. 2: Двадцатый век / ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Т.М. Симбирцевой; под общ. ред., примеч. В.М. Тихонова. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.). — 499 с.

Тягай Г.Д. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. ИВ АН СССР. М.: ГРВЛ, 1983. 248 с.

Ури ёкса. Ю Гильджун. Чунънимнон. Без даты. URL: http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110 (дата обращения: 23.08.2022).

Хан Ёнбу. История Кореи: новый взгляд / пер. с корейского под ред. М.Н. Пака. М.: Вост. лит., 2010. 758 с.

Хан Чорхо. Чонтхонъ-гва согу мунмёнъ кёрхап «чосонджок кындэхва» чхугухан Ю Гильджун: [Ю Гильджун, стремившийся сочетать традицию и западную цивилизацию в «модернизации по-корейски»]. Чосон Ильбо. 2004.07.16. (на кор.) URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2004/07/16/2004071670273.html (дата обращения: 23.08.2022).

Хо Донхён. Ю Гильджун-ый хэвечехом (1881—1885)-ква «Чунънимнон» (1885)-е поинынь ельганъ инсик [Зарубежный опыт Ю Гильджуна (1881—1885) и представления о великих державах, отображенные в «Рассуждении о нейтралитете»] // Хангукса хакпо. 2017. № 68. С. 35—65 (на кор.).

Чонь Санъсу. Пудыльло-ый хангук чунънимнон: [Концепция нейтралитета Кореи по Будлеру] // Соанъса ёнгу. 2017. № 57. С. 189—213. URL: <http://dx.doi.org/10.16894/JOWH.57.7> (на кор.).

Чхве Доксу. Хэбан ху Ю Гильджун ёнгу-ый сонъккwa-ва квадже: [Успехи и проблемы в изучении трудов Ю Гильджуна после освобождения Кореи]; в: Чхве Доксу, Ито Сюнсукэ, Пак Ханмин, Ким Хёнъгын, Ю Бада, Янь Джина, Ким Юнхи. Кындэ Хангуг-ый кэхёк кусанъ-гwa Ю Гильджун [Реформаторские идеи в Корею периода модерны и Ю Гильджун]. 2015. Сеул, Корё тэ-хаккё чхульпхан мунхвавон. С. 13—39.

Ю Бада. Ю Гильджун-ый «Чунънимнон»-е тэхан кукчеппопджок комтхо [Анализ «Рассуждения о нейтралитете» Ю Гильджуна в рамках международного права] // Хангугса хакпо. 2017. № 68. С. 67—92. URL: <http://dx.doi.org/10.21490/jskh.2017.08.68.67> (на кор.).

Ю Гильджун. «Ю Гильджун чонсо». Т. 4. Чонъчхикёнъджепхён, вёгёрон. Чунънимнон: [Ю Гильджун: собрание сочинений. Т. 4. Труды по политике и экономике, международным отношениям. Рассуждение о нейтралитете]. Ю Гильджун чонсо пхёнчхан вивонхве. 1971 г. С. 319—328. (на ханмуне).

Юн Дэсик. Ю Гильджун, сегеро-ый ёджонъ-ква каксонъ кыриго чваджоль: [Отношение Ю Гильджуна к миру: путешествие, прозрение и разочарование] // Тонсо инмун. 2016. № 5. С. 3—53 (на кор.).

Choi Deoksoo. Guest Editor's Introduction: The Current State of Research on Yu Kilchun and the Search for Methodologies. International Journal of Korean History. Vol. 21. No. 2. Aug. 2016, 1—11.

Deuchler Martina. Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: The Opening of Korea, 1875—1885. Seattle: University of Washington Press; for Royal Asiatic Society, Korea Branch. 1977. P. xiv, 310.

Hirano Kenichiro. Interactions among Three Cultures in East Asian International Politics during the Late Nineteenth Century: Collating Five Different Texts of Huang Zun-xian's "Chao-xian Ce-lue" (Korean Strategy). 2004. Waseda University.

Hwang In Kwan. A Translation and Critical Review of Yu Kil-Chun's "On Neutrality". Korean Studies. 1985. Vol. 9, p. 1—13 (13 pages). University of Hawai'i Press.

Kim Hyung-chan. Yu Kil-chun: a Korean Crusader for Reform. Korea Journal. 1972. Vol. 12, No. 12. P. 33—42.

Larsen Kirk W. Tradition, Treaties, and Trade Qing Imperialism and Choson Korea, 1850—1910. 2011. Harvard.

Lee Ji-Young. Diplomatic Ritual as a Power Resource: The Politics of Asymmetry in Early Modern Chinese-Korean. Journal of East Asian Studies, May-August, 2013, Vol. 13, No. 2, Special issue: International Relations and East Asian History: Impact, Meaning, and Conceptualization, p. 309—336.

Park Pae Keun. Yu Kil-chun's Argument of the Yangjul (Twice Folded) System. The Korean Journal of International Law. 2011. No. 56(4): 247—273.

References

Andreeva S.G. (2019). Politika Kitaya v otnoshenii Korei v 1880-e — nachale 1890-h gg. (po rossijskim i amerikanskim arhivnym materialam) [Korean Policy of China in 1880s — Beginning of 1890s (Based on Russian and American Archives)]. *Society and State in China*, XIX, 3. P. 149—187.

Asmolov K.V. (2015). Istoriya Korei [History of Korea]. URL: <https://koryo-saram.site/k-asmolov-istoriya-korei-glava-pyataya-v-kotoroj-koreyu-nakonets-otkryvayut-na-smenu-starym-fraktsiyam-prih-odyat-novyje-a-soldaty-gorodskoj-strazhi-ustraiwayut-streletskij-bunt-s-daleko-idushhimi-po/> (accessed: 17.08.2022).

Choi Deoksoo (2015). Haebang hu Yu Kilchun yŏn'gu uŏi sŏnggwa wa kwaje: [Achievements and challenges of research on Yu Kilchun after Korean liberation from Japanese rule]. *Kŏndae Han'guk ŏi*

kaehyŏk kusang kwa Yu Kilchun (Reform ideas in modern Korea and Yu Kilchun). Koryŏ Taehakkyo Ch'ulp'an Munhwawŏn.

Choi Deoksoo. Guest Editor's Introduction: The Current State of Research on Yu Kilchun and the Search for Methodologies. *International Journal of Korean History*. Vol.21 No.2, Aug. 2016, 1–11.

Deuchler Martina (1977). *Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: The Opening of Korea, 1875–1885*. Seattle: University of Washington Press; for Royal Asiatic Society, Korea Branch. P. xiv, 310.

Gim(Kim) Jong-hak (2021). Hanbando gongdongbojang gusangui yeoksajeong giwon: 19segi belgiyet-bulgariaui saryewa Yu Giljunui “Jungnimnon”: [The Historical Origins of the Joint Security Initiative on the Korean Peninsula: the Nineteenth-Century Examples of Belgium and Bulgaria and Yu Kiljun's “Treatise on Neutrality”]. *Jeongchaegyongusirijeu*, (2020–06), Gungniboegyowon Oegyoanboyeonguso, p. 1–26.

Grinyuk V.A. (2014). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 g. i Koreya [Russo-Japanese War of 1904–1905 and Korea]. *Rossiya i ATR*, 1(83): 48–63.

Han Cheolho. 2004. Jeontonggwa seogu munmyeong gyeolhap “Joseonjeong geundaehwa” chuguhan Yu Giljun: [Yu Giljun, who sought to combine tradition and Western civilization in “Joseon-style modernization”]. *Joseon Ilbo*, 07.16. URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2004/07/16/2004071670273.html (accessed: 23.08.2022).

Han Yong-u (2010). *Istoriya Korei: novyi vzglyad* [Korean History: A New Look]. Moscow: Vostochnaya literatura. 758 p.

Hirano, Kenichiro. Interactions among Three Cultures in East Asian International Politics during the Late Nineteenth Century: Collating Five Different Texts of Huang Zun-xian's “Chao-xian Ce-lue” (Korean Strategy). 2004. Waseda University.

Huh Dong-Hyun (2017). Yu Giljunui haeoecheheom(1881~1885)gwa “Jungnimnon”(1885)e boineun yeolgang insik [Yu KilChun's Overseas Experience (1881–1885) and Perception of Powers Seen in “Neutrality”(1885)]. *Hanguksahakbo*, 68: 35–65.

Hwang In Kwan. A Translation and Critical Review of Yu Kil-Chun's “On Neutrality”. *Korean Studies*.1985. Vol. 9, pp. 1–13 (13 pages). University of Hawai'i Press.

Jung Sangsu (2017). Budeulleoui hangung jungnimnon [Budler's Neutralism of Korea]. *Seoyangsayeongu*, no.57: 189–213. doi: <http://dx.doi.org/10.16894/JOWH.57.7>

Kim Busik (2002). *Samguk Sagi* (Historical Records of Three Kingdoms), In 3 vols. Vol. III. Indexes, Biographies. Edited by M.N. Pak and L.R. Kontsevich. Moscow: Vostochnaya Literatura.

Kim Hyung-chan (1972). Yu Kil-chun: a Korean Crusader for Reform. *Korea Journal*. Vol.12, No. 12. P. 33–42.

Kim Keong-il (2008). Munmyeongnongwa injongjuui, asia yeondaeron — Yu Giljung-wa Yun Chihou-i bigyoreul jungsimeuro: [Civilization, Race, and

Asian Solidarity: Comparing Yu Gil-jun and Yoon Chi-ho]. *Sahoewayeoksa (guhanguksahoesahakoennonmunjip)*, No. 78: 129–167.

Larsen, Kirk W. (2011). *Tradition, Treaties, and Trade Qing Imperialism and Choson Korea, 1850–1910*. Harvard.

Lee, Ji-Young (2013). Diplomatic Ritual as a Power Resource: The Politics of Asymmetry in Early Modern Chinese-Korean. *Journal of East Asian Studies*, May-August, 13(2), Special issue: International Relations and East Asian History: Impact, Meaning, and Conceptualization, p. 309–336.

Park, Pae Keun (2011). Yu Kil-chun's Argument of the Yangjul (Twice Folded) System. *The Korean Journal of International Law*, No. 56(4): 247–273.

Ryazanova M.K. (2017). Svoeobrazie obstchestvenno-politicheskikh i filosofskikh vzglyadov Yu Gil'dzhuna: [The Uniqueness of Socio-Politic and Philosophic Views of Yu Kil-Chun]. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii*, No. 1: 60–71.

Simbirtseva T.M. (2002). «Zagadochnyi» baron P. G. fon Mellendorf i ego «prusskaya» dejatel'nost' v Koree (1882–1885): [The “mysterious” Baron P. G. von Moellendorf and his

“pro-Russian” activities in Korea (1882—1885)]. *Voprosy istorii Korei*. Peterburgskii nauchnyi seminar: sb. st. SPb.: Fond vostochnykh kul'tur. URL: <https://koryo-saram.site/t-m-simbirtseva-zagadochnyj-baron-p-g-fon-myollendorf-i-ego-prorusskaya-deyatelnost-v-koree-1882-1885/> (accessed: 17.08.2022).

Solovyov A. (2022). Yu Gil'dzhun i ego «Rassuzhdenie o neutralitete» (中立論): romanticheskii realizm v preddverii novogo mira [Yu Kiljun and his “Treatise on Neutrality (中立論)”: Romantic Realism on the Verge of a New World]. Conference paper at the “Korea Discovers the World: Global and Local Challenges (late nineteenth to mid-twentieth century)”.

Tikhonov V.M. and Kan Mangil (2011). *Istoriya Korei v 2-kh t. T. 2: Dvadsatyi vek* [History of Korea. In 2 vols. Vol II: Twentieth Century]. Moscow. Natalis. 499 p.

Tyagai, G.D. (1983). Formirovaniye ideologii nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Koree [Development of the Ideology of the National Liberation Movement in Korea]. Moscow, GRVL. 248 p.

Uri yeoksa (No data). Yu Giljung. Jungnimnon [Yu Kil-Chun. “Treatise on Neutrality”]. URL: http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110 (accessed: 23.08.2022).

Yoo Ba-Da (2017). Yu Giljunui jungnimnone daehan gukjebeopjeong geomto: [Yu KilChun's Neutrality from the Perspective of International Law]. *Hanguksahakbo*, 68: 67—92. doi: <http://dx.doi.org/10.21490/jskh.2017.08.68.67>.

Youn Daeshik (2016). Yu Giljun, Segyeroui yeojeonggwa gakseong geurigo jwajeol: [Progress, Disenchantment and Frustration to the World of Yoo Kil-jun]. *Dongseoinmun*, 5:3—53.

Yu Giljun (1971). Yu Giljun Jeonso. 4. Jeongchigeongiepyon, oegyoron. Jungnimnon: [Yu Giljun: collection of essays. T. 4. Works on Politics and Economics and International Relations. Discourse on Neutrality.]. Yu Giljun Jeonso pyeonchan wiwonhoe, p. 319—328.

Примечания

¹ Краткий англоязычный обзор историографии о Ю Гильджуне см. в [Choi Deoksoo, 2016]; гораздо более обширный на корейском — в [Чхве Доксу, 2015].

² Многие из них уходят корнями в европейскую средневековую и античную традицию.

³ Более подробный анализ «Чуньнимнон» в рамках концепций ТМО см.: [Соловьёв, 2022].

⁴ Впервые он обратился с такой идеей к представителям западных держав в Корею ещё в 1882 г., а в 1884 г. предложил эту идею Китаю [Deuchler, 1969, 145, 212]. В обоих случаях эта инициатива возникла в контексте урегулирования японо-китайских трений, возникавших вследствие внутривнутриполитической турбулентности в Корею (военный переворот года *имо*, мятеж года *капсин*).

⁵ О необходимости нейтралитета для Кореи говорил и Ким Оккюн [Тихонов, Ким Мангиль, 2011, 179; Тягай, 1983, 149; Ю Бада, 2017, 85—86], хотя его подход несколько отличался от идей Ю Гильджуна.

⁶ Точный перевод этого понятия с корейского до сих пор вызывает определенные затруднения. Корейские исследователи переводят его на английский по-разному (например, *Dual severance system* [Choi Deoksoo, 2016, 3—4] — т. е. «система двойного отсечения/отречения», или *Twice Folded System* [Park, Paе Keun, 2011] — т. е. «дважды удвоенная система противоположностей»; в первом случае перевод близок к дословному, во втором — к контекстному, «конструктивистскому»). Мы предлагаем вариант «система двойного исключения», поскольку речь идет о том, что Корея, с одной стороны, является частью как традиционного синоцентричного мироустройства, а так и «западного» международного права, а с другой — не принадлежит ни одному из этих миропорядков целиком.

⁷ Здесь и далее ради экономии места все цитаты из «Чуньнимнон» мы оставляем без атрибуирования — их нетрудно найти по тексту перевода.

⁸ Показательно, что здесь для передачи понятия «погасить/обуздать/обратить» используется иероглиф 陰 (*инь*), «темная (слабая, женская) сторона» монады инь-ян — как метафизическая противоположность «мужской» агрессии.

⁹ Ю Гильджун называет их «равными по ритуалу» (同等之禮), т.е. равноправными, тогда как в историографии давно утвердилось противоположное понятие, гораздо более близкое к истине.

¹⁰ По возвращении в Корею в конце 1885 г. Ю Гильджун был арестован по подозрению в связи с руководителями мятежа 1884 г. и помещён под домашний арест в дом Генерального комиссара уголовной полиции Хан Гюсоля, с которым был хорошо знаком. Там он и написал «Рассуждение о нейтралитете».

¹¹ Ср. у Фукидида: «...искони уже так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему. ...и следует похвалить тех, кто, несмотря на врождённое людям стремление властвовать над другими, все-таки управляет справедливее, чем это необходимо при существующей мощи их державы» (Фукидид. «История»).

¹² Для перевода использован адаптированный ханмунный текст, размещённый на портале «Ури ёкса» Национального института истории Кореи (http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110). Ханмунный текст выверен по фотокопии оригинального рукописного издания: 『兪吉濬全書』4 政治經濟編, 外交論, 中立論, 兪吉濬전서편찬위원회편, 1971, 319—328쪽 («Ю Гильджун чонсо», т. 4, Чонъчхикёнъджепхён, вёгёрон. Чунънимнон. Ю Гильджун чонсо пхёнчхан вивонхве. 1971 г., с. 319—328). Авторы выражают глубокую благодарность А. Ланькову и О. Фёдоровой за неоценимую помощь в поиске этой фотокопии. Перевод выверен по современным переводам на корейский язык в: [Ким Джонъхак, 2021; Ури ёкса, без даты].

¹³ Дословно: 立於萬國之中 — стоять [неприступно] среди множества других государств.

¹⁴ Занимает стратегически важное международное положение.

¹⁵ Дословно: 時局之大權.

¹⁶ Употребленный здесь иероглиф 攻 имеет также значение «нападать (военной силой)», но с учетом выражения 聲其罪 тут явно речь идёт о публичном порицании (обвинении).

¹⁷ 20 января 1831 г. в ходе Лондонской конференции пять держав — Россия, Великобритания, Франция, Австрия и Пруссия — сумели достичь компромисса по «бельгийскому вопросу» и провозгласили постоянный, или «вечный» нейтралитет Бельгии. Это решение позволило снять противоречия по поводу судьбы этой страны, незадолго до того вышедшей из состава Нидерландского королевства, между Великобританией и Францией (Франции ослабление Нидерландов было выгодно), с одной стороны, и Россией, Австрией и Пруссией — с другой. Болгария же, будучи частью Османской Порты, в результате поражения Турции в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. по условиям Сан-Стефанского мира получила статус автономного данника Турции, но фактически под управлением России (и с перспективой довольно скорого получения независимости). Усиление России на Балканах не устроило европейские державы, и после «дипломатической интервенции» — Берлинского конгресса 1878 г. — условия мира были пересмотрены не в пользу Болгарии и России. Территория Болгарии была разделена на три части, и та, о которой здесь идёт речь, с центром в Софии, становилась вассальным полуавтономным княжеством, оставаясь при этом номинальным данником Турции, но на её территорию вход турецким войскам был запрещён. Детальный разбор обстоятельств «нейтрализации» Бельгии и Болгарии в контексте идей Ю Гильджуна см.: [Ю Бада, 2017; Ким Джонъхак, 2021].

¹⁸ «Глотка и гортань» (咽喉) — метафора стратегически важного, ключевого района. Это выражение для характеристики геополитического положения Кореи Ю Гильджун употребил ещё в 1883 г. в жалобе-челобитной 言事疏 (언사소), направленной вану Коджону [Ким, 2021, 10].

¹⁹ Дословно: Бельгия не имеет установления инвеституры от другой страны через подношение [ей] дани, а наша страна — имеет.

²⁰ В 1878—1879 гг. протекторат (保護 — *похо*, защита, покровительство, протекторат) России принимают Бухара и Хива. Т.М. Симбирцева отмечает разницу между понятиями «защита» — *похо* и «протекторат» — *похогук*, аргументируя утверждение о том, что ван Коджон через П.Г.

фон Мёллендорфа просил в 1885 г. русское правительство «не о протекторате, а о защите» [Симбирцева, 2002, 36]. Представляется, однако, что её тезис не совсем корректно сформулирован. Дело в том, что государство действительно обращается к потенциальному патрону-протектору с просьбой именно о защите, а не о протекторате, поскольку сам термин «протекторат» означает либо *тип отношений* между государствами, возникающий *де-юре* при взятии страны под защиту — *похо* (так, в тексте договора о протекторате Японии над Кореей [«Договор года *ыльса*»] используется именно термин *похо*, а не *похогук*), либо *само защищаемое государство* — *похогук* (это верно для любого языка). Таким образом, Коджон не мог просить о протекторате (*похогук*, т. е. «защищаемом государстве») в принципе — это просто противоречит языковым нормам. Другое дело, каким образом эта защита осуществлялась и в какой мере ограничивала политический (международный) суверенитет защищаемого. Очевидно, что Т.М. Симбирцева polemизирует со сторонниками теории о «русской угрозе» для Кореи (в том числе — опосредованно — и с протагонистом нашей статьи), однако надо заметить, что в период XVIII — первой половины (по крайней мере) XX в. в практике международных отношений никакой иной формы, кроме ограничения суверенитета защищаемого, покровительство не принимало, а в самом российском политикуме в конце XIX — начале XX в. циркулировали самые разные взгляды на предпочтительную форму российско-корейских отношений (вплоть до присоединения Кореи к Российской империи — см., напр.: [Гринюк, 2014, с. 50—52]), хотя конкретных планов по аннексии полуострова, по всей видимости, не существовало.

²¹ 盟血未乾 — метафора, аналогичная выражению 盟血未干, или русскоязычному выражению «не успели высохнуть чернила».

²² То есть оккупирует их территорию и порабощает их народ.

²³ Дословно: тяга сильного к слабому — 強者之欲並弱.

²⁴ Здесь в адаптированном ханмунном варианте используется иероглиф 國 (государство), тогда как в оригинальном рукописном тексте — иероглиф 固 (крепость). Однако можно предположить, что это описка автора.

²⁵ Дословно: 人世之技癢. Ким Джонхак [Ким Джонхак, 2021, 22] переводит 技癢 как «застарелая болезнь (고질병)», но это несколько некорректно, поскольку Ю Гильджун, как известно, вполне разделял идеи социального дарвинизма (по крайней мере, в период написания «Рассуждения о нейтралитете») — см., напр.: [Рязанова, 2017].

²⁶ Дословно: не имеет пути — 無道. Это и следующее обвинение (уподобление тигру и волку) — традиционный набор инвектив в сторону врага (ср. клятву Ким Юсина в 41 *квоне* биографического раздела «Самгук Саги»: 敵國無道, 為豺虎 — «Вражеские государства не имеют добродетелей, и, подобно волкам и тиграм...» [Ким Бусик, 2002, 121]).

²⁷ Дословно: конфликта [между] верующими — 教徒之事.

²⁸ Дословно: выгрызать, подобно тутовому червю — 蚕食.

²⁹ Окончательное решение о строительстве Транссиба было фактически принято только в 1890 г., и масштабное строительство железных дорог в Сибири началось только в последнем десятилетии XIX в. Однако идея строительства такой дороги сформировалась в российском обществе еще в 1870-х, тогда же начались и изыскания в Сибири. В 1885 г. началось строительство Самаро-Златоустовской железной дороги на Южном Урале, которая должна была в перспективе соединиться с Екатеринбургско-Тюменской линией (которая также существовала только в планах). Вряд ли Ю Гильджун обладал всей информацией о перспективных планах по строительству Транссиба, но он мог знать, что в январе 1885 г. комитет министров Российской империи отложил окончательный выбор направления для магистрали, но подтвердил твердое намерение ее строить.

³⁰ Дословно: не надо ждать, пока мудрецы поспорят [об этом между собой].

³¹ Дословно: опасность давит на грудь (дыхание) — 之危, 其迫在呼. В современном китайском языке есть оборот 迫在眉睫 — «давит на брови и ресницы» в значении «неотвратимая опасность». Оборот 之危, 其迫在呼, возможно, заимствован из описания драматических событий года *имо* (壬午禍變—1762 г.) в королевстве Чосон (жестокая казнь ваном Ёнджо своего беспутного —

или сошедшего с ума — сына) в сочинении «玄卓記 (Хонгоги)» (также известного под названием «玄駒記 (Хонгуги) — «Воспоминания о [событиях] мая [года] имо (иероглифы 玄 и 駒 служат аллегорическими аналогами иероглифов шестидесятеричного цикла 壬 и 午 соответственно, а иероглиф 卓 — аллегорией пятого месяца)», составленного в 1772 г. Пак Джонъёмом (朴宗謙) по завещанию своего отца, Пак Хамвона. С учётом того что на год имо (1882) приходится один из ярких случаев вмешательства Китая во внутренние дела Кореи в связи с военным мятежом того года, Ю Гильджун, говоря ниже о помощи Китая, вполне мог таким образом намекать на это событие.

³² Именные печати — атрибут власти от вана до мелкого чиновника.

³³ Дословно: связи — 關係, очень многозначный и социально-политически «нагруженный» термин в современном Китае.

³⁴ Парадная одежда (= «высший свет», сановники) и культурные реликвии (衣冠文物) — китайская метафора мирного процветания, эпохи развития высокой культуры и искусств (из «Суй шу Байгуань чжи»).

³⁵ Киджа (箕子) — полупоупендарный китайский аристократ из государства Инь, который после захвата своей страны государством Чжоу с пятью тысячами учёных и мастеров эмигрировал в корейский Древний Чосон и стал там ваном (упоминается в «Шицзи», «Хань шу» и «Хань-фэй-цзы»).

³⁶ Вероятно, речь идет либо о вмешательстве Китая в 1882 г. (военный переворот года имо), либо в 1884 г. (мятеж года *капсин*). Возможно, эти славословия — завуалированный способ автора откеститься от связей с руководителями этого мятежа в глазах потенциальных (китайских) читателей.

³⁷ Все переводы на современный корейский трактуют оборот 自內地之貿易 как «начиная с внутренней торговли» (видимо, исходя из того, что 種種 означает «вплоть до» или «и так далее и тому подобное»), но нам представляется, что Ю Гильджун здесь жалуется на конкретную ситуацию, сложившуюся после заключения в 1882 г. Чемульпхосского договора, серьезно «приоткрывшего» Корею для японских торговцев, и Хансонского (Сеульского) договора 1885 г. с Японией и японо-китайского Тяньцзиньского договора того же года.

³⁸ Здесь в адаптированном ханмунном тексте явно ошибочная разбивка на предложения.

³⁹ Дословно: не было бы [ничего] невозможного в том, чтобы контратаковать и убить их.

⁴⁰ То есть только непосредственно размещенные в Корее отряды. Здесь Ю Гильджун комментирует положения Тяньцзиньского договора между Китаем и Японией.

⁴¹ Здесь Ю Гильджун использует оборот 各國意中之錄, связанный с выражением 意中之事 — ожидаемое, желаемое.

⁴² В трактовке этого предложения современные корейские переводы сильно расходятся, предпочитая, например, либо переводить ханмунную фразеологию дословно (影響 — [как] тень и эхо), либо по смыслу (影響 — влияние). Многозначно и выражение 隱隱 — это и «грохотать», и «смутный» (тайный), и «обильный». Фактически здесь речь, скорее всего, идет о русско-китайских конфликтах вокруг демаркации границы, которые закончились подписанием Хуньчуньских соглашений в 1885 г. Разумеется, в ретроспективе представляется, что Ю Гильджун серьезно преувеличивал значение этих приграничных споров в борьбе за миропорядок, но его озабоченность можно понять, ибо экспансия России в Маньчжурию вполне укладывалась в концепцию «русской угрозы».

⁴³ «Зубы и губы (齒唇)» — традиционная метафора близости и взаимозависимости Китая и Кореи.

⁴⁴ Дословно: даже если бы наша страна и Китай ненавидели друг друга, как Англия и Франция ненавидели Турцию, но вопреки этому вступили в кровавый бой и сохранили ее в рамках стратегии по защите себя...

⁴⁵ Здесь служба 事 — явно из 事大 (сэдэ — «служение высшему»). Очевидно, что Ю Гильджун «службой» считает «несколько сот лет» существования династии Чосон, а предшествующие ей политические образования на Корейском полуострове «службы» перед Китаем не несли.

⁴⁶ То есть инициатива будет у русских. Авторы выражают искреннюю благодарность Ивану Зуенко и Альберту Крисскому, которые помогли разобраться с переводом этого отрывка.

⁴⁷ Оборот 生事於無事之日, вероятно, обыгрывает идиому 無事生事.

⁴⁸ Дословно: обратиться к ней сегодня, обратиться к ней завтра — 今日請之, 明日又請之.

⁴⁹ Возможно, китайская идиома 一唱衆和 (петь в гармонии) — служит синонимом европейского «концерта держав».

⁵⁰ «Яшма и шёлк» (玉帛) — метафора международных договоров (международной дипломатии); при заключении союза князья обмениваются подарками в виде яшмы и шёлка.